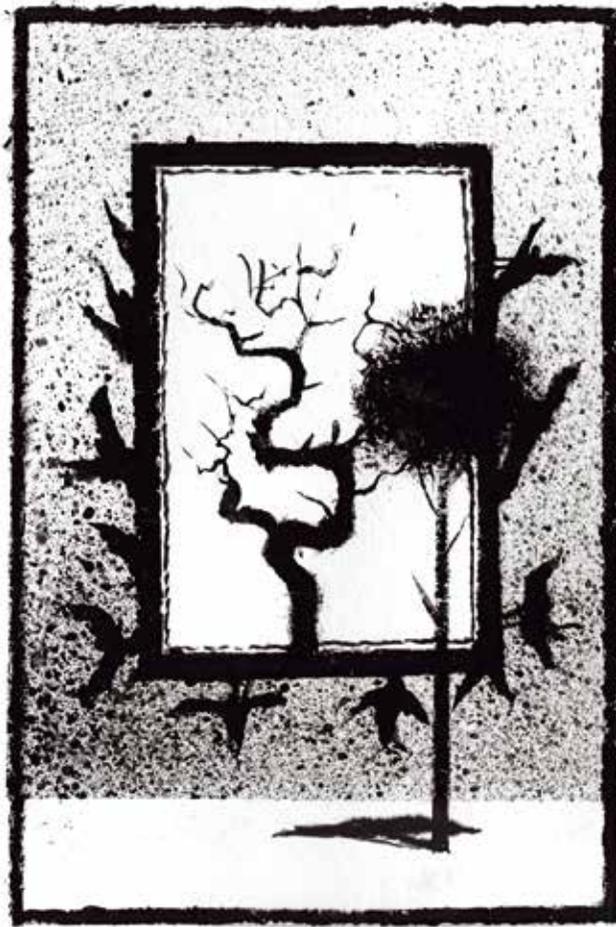

А
Снежная
Королева
Где

Зеркало и его осколки

Начнём! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь. Так вот, жил-был тролль¹, злющий-презлющий; то был сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором всё доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, всё же негодное и безобразное, напротив, выступало ещё ярче, казалось ещё хуже. Прелестнейшие ландшафты выглядели в нём варёным шпинатом, а лучшие из людей — уродами или казались стоящими кверху ногами и без животов! Лица искажались до того, что нельзя было и узнать их; случись же у кого на лице веснушка или родинка, она расплывалась во всё лицо. Дьявола всё это ужасно потешало. Добрая, благочестивая человеческая мысль отражалась в зеркале невообразимой гримасой, так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. Все ученики тролля — у него была своя школа — рассказывали о зеркале как о каком-то чуде².

— Теперь только, — говорили они, — можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете!

И они бегали с зеркалом повсюду; скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нём

¹ Тролль — враждебное человеку существо из скандинавской мифологии.

² Искажающее зеркало — это метафора зла, притча о мировосприятии человека, поражённого грехом.

в искажённом виде. Напоследок захотелось им добраться и до неба, чтобы посмеяться над ангелами и Самим Творцом. Чем выше поднимались они, тем сильнее кривлялось и корчилось зеркало от гримас; они еле-еле удерживали его в руках. Но вот они поднялись ещё, и вдруг зеркало так перекошило, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги¹.

Миллионы, биллионы его осколков наделали, однако, ещё больше бед, чем само зеркало. Некоторые из них были не больше песчинки, разлетелись по белу свету, попадали, случалось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть всё навыворот или замечать в каждой вещи одни лишь дурные её стороны, ведь каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось самоё зеркало.

Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце превращалась в кусок льда. Были между этими осколками и большие, такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уж в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были и такие осколки, которые пошли на очки, только беда была, если люди надевали их с целью смотреть на вещи и судить о них вернее! А злой тролль хохотал до коллик: так приятно щекотал его успех его выдумки. Но по свету летало ещё много осколков зеркала. Послушаем же!

¹ См. в Библии о восстании дьявола: «...И произошла на небе война... И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатанюю... низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним...» (Откр. 12: 7–12).

Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем и каждому удаётся отгородить себе хоть маленькое местечко для садика, и где поэтому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но у них был садик побольше цветочного горшка. Они не были в родстве, но любили друг друга, как брат и сестра. Родители их жили в мансардах¹ смежных домов. Кровли домов почти сходились, а под выступами кровель шло по водосточному жёлобу, приходившемуся как раз под окошком каждой мансарды. Стоило, таким образом, шагнуть из какого-нибудь окошка на жёлоб и можно было очутиться у окна соседей.

У родителей было по большому деревянному ящику; в них росли коренья и небольшие кусты роз (в каждом по одному), осыпанные чудными цветами. Родителям пришло в голову поставить эти ящики поперёк желобов — таким образом, от одного окна к другому тянулись словно две цветочные грядки². Горох спускался из ящиков зелёными гирляндами, розовые кусты заглядывали в окна и сплетались ветвями; образовалось нечто вроде триумфальных ворот из зелени

¹ Мансарда — чердачный этаж под скатной крышей; в мансардах жили преимущественно бедные люди.

² В автобиографической «Сказке моей жизни» Андерсен вспоминал: «Из кухни был ход на чердак; под окном чердака на водосточном жёлобе, проходившем между нашим и соседним домом, стоял ящик, набитый землёй, в нём росли лук и петрушка; это был огород моей матери. Он и теперь ещё цветёт в моей сказке „Снежная королева“».

и цветов. Так как ящики были очень высоки и дети твёрдо знали, что им нельзя карабкаться на них, то родители часто позволяли мальчику с девочкой ходить друг к другу по крыше¹ в гости и сидеть на скамеечке под розами. И что за весёлые игры устраивались у них тут!

¹ Раньше в европейских городах дома строили вплотную друг к другу.

Зимой это удовольствие прекращалось: окна зачастую покрывались ледяными узорами. Но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к замёрзшим стёклам — сейчас же оттаивало чудесное кругленькое отверстие, а в него выглядывал весёлый, ласковый глазок — это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка: Кай и Герда. Летом они в один прыжок могли очутиться в гостях друг у друга, а зимой надо было сначала спуститься на много-много ступеней вниз, а затем подняться на столько же вверх. На дворе перепархивал снежок.

— Это роятся белые пчёлки! — сказала бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спросил мальчик; он знал, что у настоящих пчёл есть такая.

— Есть! — отвечала бабушка. — Снежинки окружают её густым роем, но она больше их всех и никогда не остаётся на земле — вечно носится на чёрном облаке. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки; вот оттого-то они и покрываются ледяными узорами, словно цветами!

— Видели, видели! — сказали дети и поверили, что всё это суцая правда.

— А Снежная королева не может войти сюда? — спросила девочка.

— Пусть-ка попробует! — сказал мальчик. — Я посажу её на тёплую печку, вот она и растает!

Но бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был уже дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в маленький, оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки; одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока наконец не превратилась в женщину, укутанную в тончайший белый тюль, сотканный, казалось, из миллионов снежных звёздочек. Она была так прелестна, так нежна — вся из ослепительно-белого льда и всё же живая! Глаза её сверкали,

как звёзды, но в них не было ни теплоты, ни кротости. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со стула; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный морозец, но затем сделалась оттепель, а там пришла и весна-красна. Солнышко светило, цветочные ящики опять были все в зелени, ласточки вили под крышей гнёзда, окна растворили, и детям опять можно было сидеть в своём маленьком садике на крыше.

Розы цвели всё лето восхитительно. Девочка выучила псалом¹, в котором тоже говорилось о розах²; девочка пела его мальчику, думая при этом о своих розах, и он подпевал ей:

Уж розы в долинах цветут,
Младенец Христос с нами тут!

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на ясное солнышко и разговаривали с ним: им чудилось, что с него глядел на них Сам Младенец Христос.

Что за чудное было лето и как хорошо было под кустами благоухающих роз, которые, казалось, должны были цвести вечно!

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами; на больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг мальчик. — Мне кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею, он мигал глазами, но ни в одном ничего не было видно.

— Должно быть, выскочило! — сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. В сердце и в глаз ему попали два осколка дьявольского зеркала, в котором, как мы, конечно, помним, всё великое и доброе казалось ничтожным и гадким, а злое и дурное отражалось ещё ярче, дурные стороны каждой вещи выступали ещё резче. Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль в глазу и в сердце уже прошла, но самые осколки в них остались.

— О чём же ты плачешь? — спросил он Герду. — У! Какая ты теперь безобразная! Мне совсем не больно! Фу! — закричал он затем. — Эту

¹ Псалом — здесь: христианская духовная песнь; богослужебные библейские псалмы собраны в книгу Псалтирь.

² Аллюзия (намёк) на библейский псалом 44.

розу точит червь! А та совсем кривая! Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он, толкнув ящик ногою, вырвал две розы.

— Кай, что ты делаешь? — закричала девочка, а он, увидя её испуг, вырвал ещё одну и убежал от миленькой маленькой Герды в своё окно.

Приносила ли после того ему девочка книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; рассказывала ли что-нибудь бабушка, он придирался к словам. Да хоть бы одно это! А то он дошёл до того, что стал передразнивать её походку, надевать её очки и подражать её голосу! Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик выучился передразнивать и всех соседей — он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки, и люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему были осколки зеркала, что попали ему в глаз и в сердце. Потому-то он передразнивал даже миленькую маленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудрёными. Раз зимою, когда перепархивал снежок, он явился с большим зажигательным стеклом¹ и подставил под снег полу своей синей куртки.

— Погляди в стекло, Герда! — сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Чудо что такое!

— Видишь, как искусно сделано! — сказал Кай. — Это куда интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если бы они только не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиною, крикнул Герде в самое ухо:

— Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками! — и убежал.

На площади каталось множество детей. Те, что были посмелее, привязывали свои санки к крестьянским саням и прокатывались таким образом довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый разгар его на площади появились большие сани, выкрашенные в белый

¹ Зажигательное стекло — увеличительное стекло, лупа.

цвет. В них сидел человек, весь ушедший в белую меховую шубу и такую же шапку. Сани объехали вокруг площади два раза; Кай живо привязал к ним свои санки и покатился.

Большие сани понеслись быстрее и затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе кивал ему, и он продолжал ехать. Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, стемнело так, что кругом не было видно ни зги. Мальчик поспешил отпустить верёвку, которою зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к большим саням и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал — никто не услышал его! Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал, хотел прочесть «Отче наш», но в уме у него вертелась одна таблица умножения.

Снежные хлопья всё росли и обратились под конец в больших белых куриц. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно-белая женщина — Снежная королева; и шуба, и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались! — сказала она. — Но ты совсем замёрз. Полежай ко мне в шубу!

И, посадив мальчика к себе в сани, она завернула его в свою шубу; Кай словно опустился в снежный сугроб.

— Всё ещё мёрзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй её был холоднее льда, пронизал его холодом насквозь и дошёл до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Одну минуту Каю казалось, что вот-вот он умрёт, но, напротив, стало легче, он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои санки! Не забудь моих санок! — спохватился он прежде всего о санках.

И санки были привязаны на спину одной из белых куриц, которая полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Кая ещё раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше я не буду целовать тебя! — сказала она. — А не то целую до смерти!